СЕРМЯЖНАЯ ПРАВДА МАЙИ ПЛИСЕЦКОЙ

Признаюсь честно, я вначале не мог поверить, что мне действительно удастся побеседовать с ПЛИСЕЦКОЙ. Ее имя появилось в моей жизни, да и вашей, наверное, очень-очень давно и с первых же мгновений зазвучало величественно и казалось чем-то заоблачным и недоступным. А тут на тебе - живая легенда сидит рядом, пьет минеральную воду (прямо из бутылки, так как поблизости стакана не оказалось) и готова отвечать на любые вопросы. Но прежде чем мы приступим к разговору, хочу поблагодарить популярного телеведущего Дмитрия Диброва, который любезно пригласил меня в студию своей программы "Антропология" на канале Телеэкспо, где я и познакомился с Майей Михайловной.

- Майя Михайловна, вы теперь в Москве бываете очень редко. Позвольте спросить, а какое у вас нынче подданство? По-моему, большую часть своего времени вы проводите в Испании.

- Я никогда не покидала Россию и могу показать вам мой российский паспорт. *(При этих словах Майя Михайловна действительно достает из своей сумочки красную книжечку с гербом на обложке).* И я совершенно ответственно заявляю, что никогда не оставлю эту страну. Это моя страна. Я коренная москвичка. К тому же так получилось, что я и языка, кроме русского, никакого не знаю. Я очень люблю Россию - мою страну. Но я действительно часто бываю за границей. Преподаю, провожу конкурсы. Вот буквально завтра улетаю в Париж, где буду смотреть победителей очередного тура конкурса "Майя".

- А вы помните свой первый конкурс, испытание, которое вам пришлось выдержать, чтобы заслужить право заниматься балетом?

- Таких экзаменов и испытаний было так много в моей жизни... Но если говорить о самом первом, то, конечно, помню. В начале лета меня привели на балетный экзамен в хореографическое училище. Помню, в честь такого торжественного случая меня обрядили во все белое: белое платьице, белые носочки, пришпилили к моим рыжим косичкам отутюженный белый бант. Единственное, что несколько портило мой подвенечный вид, были коричневые сандалии. В тот год - 34-й - заявлений в училище было немного. В те "стахановские" годы все мечтали быть летчиками. По-моему, было тридцать заявлений. Тогда от поступающих требовались чувство ритма, музыкальность и хорошие физические данные. Мою судьбу решил один реверанс. Всем девочкам было дано задание сделать реверанс, и мое исполнение было тут же отмечено. Так решилась моя судьба.

- Я знаю, что язык реверанса пригодился вам и впоследствии. Он заменил переводчика при общении с королем Испании. Это правда?

- Да, в 1991 году мне вручали высший испанский орден. Естественно, перед началом церемонии ко мне подходили придворные и осведомлялись, кто будет переводить мою ответную речь. Я им спокойно отвечала, что со всем справлюсь сама. И когда Хуан Карлос I вручил мне орден, я сделала реверанс. И потом все программы новостей несколько дней подряд транслировали мой "ответ" на высочайшую награду.

- Как вас принял Большой театр, когда вы пришли в него совсем молоденькой балериной?

- В Большой я попала в 1943 году, когда театр вернулся из эвакуации из Самары. Первый раз свою фамилию на афише Большого театра я увидела в числе исполнительниц кордебалета в опере "Иван Сусанин". Я обиженно обратилась к моему дяде Асафу Мессереру, он тогда был художественным руководителем балета, что, мол, я не танцую в кордебалете. На что Асаф спокойно ответил: "А теперь будешь". Вот так и началась моя театральная жизнь в Большом театре.

- Часто можно слышать о жесточайшем духе недоброжелательности, существовавшем в Большом театре. Можно понять конкуренцию, но как объяснить чувство ненависти, которое иногда доминировало во взаимоотношениях между актрисами?

- Я не стану ничего говорить о ненависти. Просто напомню одну хорошую поговорку: "Артисту мало похвал. Надо чтобы поругали его товарища".

- Никого не желая обидеть, скажу: для большинства людей, не являющихся профессионалами в мире балетного искусства, всегда существовало два имени - ваше и Галины Улановой. Как складывались ваши взаимоотношения с этой великой женщиной?

- Впервые Галину Сергеевну я увидела еще до войны. Это было в 1939 году во время приезда в Москву Риббентропа. Он приезжал подписывать Пакт о ненападении. И естественно, вечером гости были в Большом, смотрели балет. С Улановой нас часто сталкивали лбами. Про нас сплетничали, одной говорили гадости про другую, и наоборот. Нас часто противопоставляли друг другу. Я же всегда восхищалась Галиной Сергеевной. Всегда меня поражали ее линии. У нее была замечательно воспитана ступня. Это бросилось мне в глаза, когда я увидела Уланову впервые. Меня тогда не покидало ощущение, что балерина постоянно видит себя со стороны. Еще меня в ней поражало умение молчать. Она хорошо понимала, что молчание - золото. Однажды я стала свидетельницей одного эпизода. Как-то Галина Сергеевна решила зайти в хореографическое училище на Пушечной. Была как раз переменка, и мы с подружками стояли на лестничной площадке. И тут открывается дверь и входит Галина Сергеевна. Как сейчас помню, на ней была серая беличья шубка. Уланова пошла в гардероб. Но не тут-то было. Наш швейцар бесцеремонно схватил балерину за рукав и закричал: "Ты куда это направилась, гражданочка?" Кажется, любая бы назвала свою фамилию, тем более такую знаменитую, как Уланова. А Галина Сергеевна, наоборот, промолчала и отошла в сторону, пока за нее кто-то не заступился. Вот так.

- Я не решаюсь спросить вас о любимом спектакле. Но смею предположить - "Лебединое"?

- Этот спектакль сыграл очень важную роль в моей жизни. Я танцевала его более восьмисот раз в течение тридцати лет.

- Наверное, "Лебединое озеро" - это эталонный спектакль для любой балерины?

- Да, я убеждена, что "Лебединое" - пробный камень для всякой балерины. В этом балете ни за что не спрячешься, ничего не утаишь. Балет требует выкладки всех душевных и физических сил. Вполноги "Лебединое" не станцуешь. Я каждый раз чувствовала себя опустошенной, вывернутой наизнанку после этого балета.

- А ведь танцевать именно "Лебединое" вам приходилось часто. Каждого иностранного гостя наши руководители обязательно потчевали этим спектаклем.

- Да, уж для гостей я натанцевалась всласть. Я танцевала перед маршалом Тито, Индирой Ганди, Джавахарлалом Неру, многими королями, принцами и президентами. Мне запомнилось, как я танцевала этот балет для Мао Цзэдуна. Великий кормчий народов Востока прибыл тогда в Москву, и его ожидали в Большом. Думали, что и Сталин пожалует со своим другом. Но Иосиф Виссарионович в тот вечер был занят чем-то другим. Но охрана все равно была - не дай Бог. Был выдан особый пропуск, который проверяли у каждой двери ретивые охранники. Пропуск надо было держать в лифе пачки на груди. Когда я танцевала все "Лебединое" с этим спецпропуском на груди, меня не покидала мысль: вдруг на прыжке пропуск выскользнет и охранники, приняв его за новое взрывное устройство, откроют по мне огонь. Но все обошлось. В конце спектакля Мао прислал на сцену огромную корзину белых гвоздик.

- Вы называете поистине легендарные имена людей, с которыми были знакомы. Вы помните Сальвадора Дали?

- Да, я видела прославленного художника в ресторане "Максим'с" в Париже. Меня пригласил туда на ланч министр Франции. И вот в том ресторане спиной ко мне сидел породистый усатый мсье немолодых лет. Он был в компании очень юной девушки. Наш министр чуть опоздал к обеду, и, направляясь к нам, он поздоровался с нашим соседом: "Бонжур, Сальвадор". Я тогда просто обмерла - это же был сам Дали. Нас познакомили. Когда Дали узнал, что я из России, он сказал несколько слов на русском: "Божья коровка, улети на небо, дам тебе хлеба".

- Наверняка Париж подарил вам встречу не только со знаменитым художником.

- Я познакомилась там со многими знаменитостями, чьи имена заставляли меня просто трепетать. Но это долгий рассказ.

- Ну, пожалуйста, Майя Михайловна, расскажите еще о какой-нибудь встрече.

- Шикарный подарок преподнес мне в Париже Серж Лифарь - он познакомил меня с Коко Шанель. В ее бутике нас встретила прямая, изнуренно-худая, строгая хозяйка, которая протянула мне две морщинистые сухопарые руки. Коко было уже за восемьдесят. Специально для меня и Лифаря хозяйка заставила манекенщиц продемонстрировать свою коллекцию осенне-зимнего сезона. Когда ей не нравилось, как девушки двигались, она сама поднималась и показывала, как надо носить наряд. И в те мгновения Коко выглядела на двадцать лет! После показа Коко подарила мне нарядный белый мундирчик, который и сегодня висит у меня в шкафу. И самое поразительное, что покрой и форма по сей день не вышли из моды.

- А вы часто вспоминаете свое детство? Насколько я знаю, ваш отец был незаконно арестован и репрессирован. Это как-то сказалось на ваших детских годах?

- В балетном училище у многих девочек были репрессированы родители. Так что я не выделялась среди них. Хотя, и это теперь известно, люди были невиновны. Обвиняли только для того, чтобы создавать террор. И отец прекрасно это осознавал. Когда пришли его арестовывать, он с облегчением сказал: "Ну наконец-то разберутся". Он наивно полагал, что все издевательства - исключение из партии, оскорбления - позади. Он на что-то надеялся и не знал, что обречен.

- Но ведь его перед арестом наградили орденом.

- Да, и даже выдали пригласительные билеты на Первое мая. Отец был счастлив. Он даже помолодел, по-моему. Но это было традиционное издевательство, которое так любила советская власть. Все напоминало игру в кошки-мышки.

- Вы разговаривали с отцом о вашем будущем? Кем он хотел вас видеть?

- Я мало с ним говорила. Я ведь была маленькой, и со мной ему было неинтересно разговаривать. Мне было всего 11 лет, когда его уже не стало.

- Вам тоже пришлось испытать на себе все "прелести" жизни. Скажите, Майя Михайловна, а почему вы не остались на Западе, где вас боготворили?

- Сразу скажу, в своем вопросе вы не оригинальны. Почти в каждом интервью мне задают подобные вопросы. Но это слишком серьезная тема, чтобы говорить о ней вскользь.

- А мы не будем говорить вскользь. Давайте поговорим серьезно. Тем более, что этот вопрос действительно интересует многих.

- Понимаете, воспитание моего поколения было таковым, словно мы на фронте и воюем. Тот, кто бежал в стан к врагу, сразу же становился предателем. Именно эту идею пропагандировали все наши фильмы, газеты, книги. Я как-то спросила у матери, почему наша семья не осталась в 34-м на Западе, ведь мы жили тогда в Норвегии. Мама ответила: "Если бы я даже заикнулась об этом, Миша бросил бы меня. Он никогда не стал бы предателем". Это было кодексом чести в эпоху наших обманутых отцов. Когда я побывала в Америке, естественно, мне сразу стало ясно, как наша жизнь отличается от жизни американцев. Они - свободны, мы - в неволе. У них - удобства, у нас - тяготы. Но я не думала о бегстве. А если подобная мысль хоть на минуту возникала, то она сразу же перечеркивалась страхом - подстроят автокатастрофу, переломают ноги. Могли сделать все что угодно. Сколько было таких случаев с перебежчиками. Потом я не могла остаться за границей из-за Щедрина. Если я легко приспосабливалась к "перемене мест", то Щедрин был настоящим домоседом. Каждая поездка для него была в тягость. Оторвать Россию от него было непросто. А я не могла себе представить свою жизнь без Щедрина. Даже в хрустальном замке на каких-нибудь Канарских островах. Потом мешала остаться на Западе мне моя совесть. Ведь остаться значило обмануть людей, которые поверили в мою порядочность и выпустили меня за рубеж. И, конечно, не отпускала меня родная сцена Большого театра. Мне довелось танцевать на всех престижных сценах мира. Но такой удобной, как в Большом, я не встречала нигде. Я, словно футболист, лучше играла и любила играть на своем поле. Ответила я на ваш вопрос? Себе, по крайней мере, я до сих пор не могу дать на него ответ.

- Майя Михайловна, вроде бы канули в Лету времена, когда мы мечтали о пище материальной. Впору задуматься о пище духовной. Что вы думаете - у нас все в порядке с этим?

- Нельзя ответить однозначно. Ведь все люди разные, и у одних есть духовность, а у других нет. Конечно, для людей необходимо искусство. Не я сказала, что надо не только хлеба, но и зрелищ. Следует показывать людям, что замечательно и к чему надо стремиться. Чтобы люди сами понимали, что хорошо, а что плохо. Кто-то из великих сказал: "Приведи пещерного человека в галерею, и он пальцем ткнет в шедевр". Это правда. И эта сермяжная правда есть в каждом человеке. И это нужно обязательно использовать. Не стоит показывать что-то одно - человек должен уметь выбирать. Я убеждена, что человек должен себе верить. Однажды меня поразил Карден. Я заказала ему костюм для балета "Вешние воды" Тургенева. Причем когда я назвала ему это произведение, то у меня мелькнула мысль: "Ну это ни о чем ему не скажет." А Карден помолчал, подумал и произнес: "Вешние воды"? Это 1840 год." Вот так.

- И это знал Карден? Откуда? Рассказывают, что его интересуют лишь деньги и он готов ставить свое имя на всем, что их приносит. Даже на туалетной бумаге.

- А это правда. Его интересует все. Он так же, как и я, интересуется всем новым. Мне, например, интересна сегодняшняя молодежь. Я хочу знать, о чем они думают, о чем мечтают.

- Тогда, в свою очередь, от лица сегодняшней молодежи, к которой я себя с полным правом причисляю, я прошу вас дать совет. О том, какими быть и как строить свою жизнь.

- Я могу сказать одно. Не смиряйтесь, до самого края не смиряйтесь. Не смиряйтесь. До последнего момента не сдавайтесь, боритесь, воюйте. Даже тоталитарные режимы, случалось, отступали перед одержимостью, убежденностью и настырностью. Мои победы только на том и держались. Ни на чем больше! Характер - это и есть судьба...

Что ж, как это ни грустно, наша беседа подошла к концу. Но не потому, что иссякли вопросы. Просто уже три часа ночи. А в шесть утра Майя Михайловна улетает в Париж. Каюсь, я отнял у нее короткие часы отдыха. Но тут же оправдываю себя - подобные встречи бывают лишь раз в жизни. И ради этого стоит жить. С позволения Майи Михайловны в конце этого материала я процитирую несколько строк из ее бесподобной книги воспоминаний: "Что тебе еще интересно узнать обо мне, читатель? Что я левша и все делаю левой рукой? Что я всю жизнь страдала бессонницей? Что я всегда была конфликтна? Лезла на рожон попусту? Что во мне совмещались полюса - я могла быть расточительной и жадной, смелой и трусихой, королевой и скромницей? Что я почитала питательные кремы для лица и любила, густо ими намазавшись, раскладывать на кухне пасьянсы? Что была ярой футбольной болельщицей? Что любила селедку, нежно величая ее "селедой"? Что никогда не курила и не жаловала курящих, что от бокала вина у меня разболевалась голова? За прожитую жизнь я вынесла простую философию. Простую - как кружка воды, как глоток воздуха. Люди не делятся на классы, расы, государственные системы. Люди делятся на плохих и хороших. На очень хороших и очень плохих. Только так".

Вот в этих словах и есть она сама - великая и простая Майя Плисецкая.

Игорь Изгаршев